

КОНЦЕПТ ИДЕОКРАТИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.В. ПАНКРАТОВ

Понятие идеократии имеет давнюю традицию в отечественной общественной мысли. Представляется, что анализ его содержания и употребления позволит не только выявить линии интерпретативных расколов, но и наметить конструктивные перспективы этого концепта.

Впервые термин «идеократия» был употреблен в книге И.Г. Блунчли «Общее государственное право», изданной в Москве в 1865 г. Исследователь выделяет четыре вида государственных форм «по способу представления противоположности между правительством и подданными, и особенно в качестве (а не в количестве) правителя»¹. Будучи вписанной в прогрессистскую модель институциональной эволюции человечества, идеократия полагается самой ранней формой, достигшей совершенства и пика могущества в христианской теократии. «Здесь народ представляет себе государя как существо, которое по самой природе выше его, видит в нем более, нежели человека, считает самого Бога истинным правителем государства». Государь обретает сверхчеловеческие черты, а его авторитет гарантирует абсолютное верховенство его суверенной воли над гражданской и публичной жизнью. Наряду с формами автор выделяет соответственно четыре типа «характера» государства: «Бывают государства с теократическим характером, хотя в них управление принадлежит не богу, а духовному государю, или жреческой аристократии, или народу, руководимому религиозными постановлениями»².

Для «охранителя» Л.А. Тихомирова «Всякая Верховная власть идеократична, то есть, находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему»³. Важно заметить, что Нация наделяется способностью «чувствовать», соответствует ли Власть своему нравственному закону и, соответственно, послушно подчиняться или выступать против измены и узурпации. Идеократизм имманентен суверенности, а также выступает критерием легитимности Верховной власти. Смена идеала с неизбежностью приводит к переосмыслению принципа построения государственного организма; предательство идеала обрекает власть на гибель.

Обратимся непосредственно к евразийской мысли, ведь именно в рамках этого интеллектуального движения концепт идеократии обрел наибольшую ясность и полноту, и именно к евразийскому пониманию идеократии относится подавляющее большинство комментариев научного и публицистического дискурса. Так, Н.С. Трубецкой пишет об

инновационном механизме отбора политической элиты, противопоставляемом аристократическому и демократическому, при котором общность мировоззрения выступает объединяющей силой правящего слоя. Идеократия есть технология, согласно которой функционируют лифты социальной мобильности. Однако не каждая «идея» может положить основание идеократическому строю, но только существенно универсалистская, понимаемая, однако, как ключевая инстанция «холистского» национализма, полагающая идеал и обязанность самопожертвования индивида ради блага целого. Целое, полагаемое истинной идеей-правительницей, должно обладать сверхчеловеческой ценностью, служение этой идее – нравственный долг, исполнение которого, требующее максимального напряжения всех физических и духовных сил, должно наделять деятеля бесспорным моральным престижем в обществе. Оно предзадано, существует необходимо, и требуется лишь осознать его, прозреть как нечто самоосуществляющееся, а потому свободное и в высшей мере истинное. Мыслитель говорит о евразийской Нации, братстве этнических групп, объединенных общностью исторической судьбы, культурой и служением единому Государству, скованных автаркическим «месторазвитием». Важно заметить, что Трубецкой отказывается ставить человечество на место этого целого, ибо человечество есть нечто неопределенное, ибо оно ничему не может быть противопоставлено без утраты душевно-духовного содержания и, соответственно, высоты исполнения долга.

Евразийский идеал государственности, опирающийся на схватывание сущности и попытки синтеза имперского и советского социополитического, идеологического и институционального дизайнов во многом воспроизводится в следующей интерпретации идеократии как типа политико-правового строения государственности, имеющего, по заключениям А.А. Горшколепова, следующие характерные черты: структурно-ценностная детерминация верховной власти, предполагающая органическое восприятие государства народом; общенациональный, соборный характер ценностей; преданность идее как принцип формирования элиты; государственный максимализм. Подчеркнем: автор движется от фактичности имперского строя, сложившегося в дореволюционной России, к идеям, утверждающим его верховенство и истинность, т.е. от институционального дизайна к идеологической рефлексии.

В.В. Кожин фактически приравнивает идеократизм к византизму, подчеркивая евразийскую и идеократическую судьбу России и намекая сходства между Вторым Римом и Третьим. Автор полагает дихотомию номократия – идеократия, из которой следует, что идеократия есть строй, основанный на «Правде», имеющей непосредственные и явные связи с ортодоксальным христианством. Кожин признает

идеократический характер большевизма, обосновываемый, однако, *не только* глубинным идеалистическим универсализмом, *но и связностью с тысячелетней судьбой России*, что принуждает к размышлению об идеократии как российском феномене. Таким образом, идеократия есть строй, пронизанный представлением «Правды» как высшей ценности, осуществление которой во всех сферах жизни общества есть долг как власти, так и подданных.

П.Н. Савицкий, стремясь вывести национальную идею на общечеловеческий уровень, отмечает, что сущностной чертой русского национализма является наличие как «прикладнического» слоя племенного эгоизма, так и «вселенского». При этом важно не просто нечто универсальное, нередко в чистой всеобщности и абстрактности сводимое к общему знаменателю и идеальному минимуму, но признание *онтологического идеализма*. «Коммунистическая идеократия, не признавая самостоятельного значения идеи в истории, *тем самым* (курсив мой. — В. П.), по определению евразийцев, является лжеидеократией»⁴. Восходящий к «Всеединству» В.С. Соловьева, идеократический идеал Л.П. Карсавина — идеал полной иерархической формы самореализации «симфонической личности» — оформляет идеологическое стремление Савицкого к «вселенскости», а также совпадает с долгом совершенствования уникальной культуры, установленным Трубецким: «Идея культуры определяет ее государственность... для того, чтобы наилучшим и возможно полным образом осуществилась идея культуры, государство должно быть идеократическим, идеократией»⁵.

«Авторитарный» уклон, который можно уловить в работах большинства евразийцев, старательно выправляется в работах Н.Н. Алексеева, приравнивающего идеократическое государство к гарантийному, в котором «обеспечивается проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов, некоторой стабилизированной социально-политической программы, которая может рассчитывать на всеобщее признание»⁶. Это государство формирует не мировоззрение людей, но общественное мнение культурной исторической эпохи, выступая скорее институциональным базисом социального консенсуса, становясь «почвенным» правовым государством. Выработаем сжатую формулу идеократической демотии, по Алексееву: Направляющий и стабилизирующий духовный и политико-социальный конституционный Принцип + Конкретная динамичная жизнь Народа. Вытравливая искаженные интерпретации идеального строя, евразиец отделяет ложную «идеократию» от настоящей «эйдократии», где первая опирается на психологическую убежденность в верности *относительной* «идеи», а последняя — на объективное овладение и воплощение «эйдоса», «необходимого, цельного, созерцательно и умственно осязаемого лика мира»⁷, гарантирующего высшее единение людей.

Для Н.В. Устрялова, свидетеля драматических событий становления трех европейских диктатур нового типа, идеократия становится термином для схватывания их единой сущности: пафос, стремление нести целостное мирозерцание и систему завершеного учения; отвечать человеку эпохи «восстания масс» на «проклятые вопросы» современности; провозглашение истинной, спасительной, но конкретной и позитивной Идеи, предвещающее организованные попытки воплотить ее в жизнь, «творить новый человеческий материал». Сторонники подобных идей непременно объединяются в «воинствующую церковь идеи» и, перешагнув через свободу формальную, находят свободу в любимой идее: познают свою истину, и истина делает их свободными⁸. Несмотря на осознание жестокости и нетерпимости этих систем, Н.В. Устрялов признает за ними правду Истории, считает их агентами гегелевского «Хитрого Разума», сожалея, впрочем, о невозможности раскрыть их смысл с позиций настоящего времени. Наблюдателю эпохальных событий остается лишь оценивать масштаб преобразований и интенсивность волевого порыва, стремления к высшему синтезу. Идеократический тип государства, в конечном счете, на поверхностном уровне раскрывается как возрастающий идеальный и институциональный этатизм XX в., родственному гегелевскому, но значительно более динамичный.

Родство с евразийским универсализмом прослеживается у А.И. Сувбетто, который отделяет идеократизм как принцип развития от конкретной идеократической идеологии. «Большой хронотоп бытия России требует большой идеи. “Идея” скрепляет бытие человека в этом большом пространстве в единое целое. Можно сказать так: идеократия есть коррелят большого пространства — времени бытия России»⁹. Идеократизм полагается принципом русской государственности и ментальности. Одержимость «дальним» есть естественная склонность России, которой необходима соответствующая духу времени и состоянию мировой среды глубокая идея, оформляющая этот волевой порыв. «Россия есть идеократия, есть цивилизация большой идеи... Россия — не просто цивилизация большой идеи, но цивилизация именно всечеловеческой идеи — идеи ноосферно-социалистической, вмещающей в себе устремление к социализму, к социальной справедливости, к возвышению духа и творчества, и одновременно, устремление к “ноосфере будущего”, к социоприродной гармонии»¹⁰.

В.В. Ильин, излагая причины крушения парламентаризма в России, отмечает в качестве одной из основных причин идеократичность русского народа, т.е. ориентацию не на формальные принципы, но на ценности, содержательные и коллективистские (синкретические) начала, сосредоточенные во властно-государственной сфере. «Развитие социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал

тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов»¹¹. Впрочем, идеократизм и тоталитаризм необходимо различать, особенно размышляя о концептах, а не об эмпирической реальности.

Пересекая тонкую разделительную линию, можно фактически перейти к сращению идеократии и тоталитаризма, к организации их концептуального соседства, характерной для западной науки. В. Гуриан трактовал идеократию как эсхатологическую социополитическую религию проповеди борьбы добра и зла¹². Идеократия раскрывается как результат трансляции и перевода идиом онтологического порядка во всеобъемлющий идеологический конструкт¹³, а также вечных идей в человеческие законы¹⁴, что предполагает утверждение абсолютного господства Разума и рациональности и приводит, в конечном счете, к нейтрализации разрушительной и освобождающей силы События, ибо любой идеократический телеологизм замыкает историю. Всеобъемлющий утопизм идеократии как ее сущностная черта неразрывно связан на концептуальном уровне с секулярным политическим утверждением господства «абсолютных ценностей», тотальных и образующих вокруг себя отчужденное от реальности мировоззрение¹⁵. Реализация холистских интенций идеократии осуществима только в институциональном порядке тоталитаризма, в котором размывается граница между политической и неполитической культурой¹⁶.

Очевидно, что подобную систему можно рассматривать и концептуально задавать как радикального и модернистского противника идеала «здорового» гражданского общества, где, как полагает Э. Геллнер, в отличие от идеократии, открыты горизонты познания, нет навязанных абстрактных моделей, где государственная власть не сакрализована и занята исключительно вопросами технологии эффективного распределения ресурсов, а не установлением царства Добродетели. Приведем особо важную характеристику идеократии, предлагаемую исследователем национализма: «Тоталитарная идеократия решительно доводит тождество истины, иерархии, общественной добродетели и социальной реальности до логического завершения. Полное соответствие системы убеждений и общественного строя подкрепляется здесь и зависимостью индивида от социального консенсуса, и неопределенностью фактов, и порочным кругом, по которому движутся все объяснения»¹⁷. Добавим, что смысловая и риторическая замкнутость и безосновность полагается Р. Хуммелем *ключевой* чертой властителей-идеократов, которые «заманивают своих подчиненных в концептуальную структуру беспочвенной риторики, непрестанно изменяющиеся термины и правила которой узакониваются исключительно посредством перекрестных взаимных отсылок и никогда обращением к автономной реальности»¹⁸.

Можно заключить, что подобные «манихейские» интерпретации были весьма характерны для периода холодной войны, когда идеократия, наравне с рядом других одиозных концептов, призывалась для обозначения «фундаментального» раскола человечества, обобщенного и представленного в наиболее явной форме К.Р. Поппером в книге «Открытое общество и его враги», где вскрывался скрытый платонизм противников либерально-демократической системы и ее предшественников.

Кстати, о фундаментальном платонизме идеократии говорил Н.А. Бердяев, называя «совершенное государство» абсолютной тиранией, указывая на невозможность сознательного и волевого преодоления пропасти между земным обществом и «Царством Божьим»¹⁹. В.В. Зеньковский, обращаясь к системе большевистского атеизма, был крайне категоричен, он практически приравнял идеократию к тоталитаризму: «Над современной Россией действительно нависла деспотически проводимая система “идеократии”, определяющая до последних мелочей и внешнее поведение, и все мировоззрение населения»²⁰. Социальные извращения данного строя обуславливаются «наносным» характером идеократического «фанатизма». Однако является ли «беспочвенность» случайным или необходимым свойством идеократизма? Если следовать логике Ф.А. Степуна, бескомпромиссно отклоняющего любую идеократию (фашизм, коммунизм, евразийство) как «насилование народной жизни»²¹, необходимо признать имманентную деструктивность подобного строя, обусловленную его абсолютной оторванностью от естественности любого конкретного социального бытия.

Можно обнаружить воспроизводство данного посыла и в современной России. В. Аксютин в жестко критических по отношению к СССР работах обращается к столь яркому и привлекательному слову исключительно в целях именованной «коммунистической» эпохи в развитии России. Он представляет советскую идеократию «как власть сообщества идеологических маньяков», тотальную власть лживой идеологии, «направленную на разрушение всего положительного в человеке, обществе и государстве», паразитирующую на живом теле народа²². Радикальное противопоставление имперского и советского этапов развития России подчеркивает тонкие историко-философские связи, намеченные видными мыслителями «белой» эмиграции.

«Тоталитарная» тема прослеживается в эпизодических обращениях к «идеократии» в некоторых статьях, посвященных совершенно разным проблемам. Например, в работе, освещающей особенности транзитивных обществ и рисков, связанных с институциональной и мировоззренческой общественной трансформацией, автор противопоставляет идеократию плюрализму в области идеологий, а также тоталитаризм — демократии и идеологический моностилизм — поли-

стилизму²³. В другой работе, идеократия рассматривается как репрессивная система, открыто подавляющая противостоящие культурные явления и тем самым непосредственно порождающая «параллельную культуру», в случае СССР — диссидентскую²⁴. В этом контексте любопытно замечание о естественности запроса интеллигенции на идеократию: «В условиях мобилизационного общества для интеллигенции важна идеократия, культуррегерская функция, что компенсирует низкие стандарты потребления»²⁵. Таким образом, идеократия есть означающее комплекса культурного наследия общности, требующее деятельности сословия хранителей, отвечающих также за массовое просвещение и образование населения.

В контексте данного фундаментального дуализма естественного, открытого и гражданского общества и абстрактного, искусственного и закрытого идеократического интересна практика переворачивания имплицитной аксиологической оппозиции. Например, Г.М. Шиманов, представитель социального и этатистского «советского фундаментализма», стремящийся оживить СССР посредством инъекции архаического квази-феодалного «золотого века», противопоставляет спасительное, охватывающее весь общественный организм идеальное идеократическое государство либеральному, с его плюрализмом, «анархической колосьбой мыслей». Идеократия воспевается как условие (советская власть) и социально-политический идеал Новой Православной Теократии.

Близкое родство идеократизма с тоталитаризмом признает и апологет «неоевразийства» А.Г. Дугин. Впрочем, он делает противоположные выводы относительно их ценности, утверждая, что идеократизм есть нечто возвышенное: «Итальянский традиционалистский философ Юлиус Эвола называл аналогичную модель общественно-политического устройства “анагогическим тоталитаризмом”, то есть строем, при котором бытие каждого отдельного человека принудительным образом вовлекается в спиралевидное движение общего духовного восхождения, облагораживания, сакрализации»²⁶. Однако, по нашему мнению, здесь вскрывается иной пласт тоталитарности, отличный от превознесения ложного утопизма, господства мнимой абсолютной истины. Здесь идеократизм понимается как система идеалистического оправдания применения тотализирующей дисциплинарной техники властвования, ценность и значимость которой полагается и обосновывается на ином, глубинном, нередко эзотерическом мета-уровне идеологии, где Идеал оборачивается мифом, Истина подчиняется законам появления и исчерпания истин, а некая политическая техника раскрывается как способствующая, например, самоценному «возрастанию Власти».

Между условными «апологетическим» и «критическим» полюсами можно расположить понимание идеократии Ю.М. Воронова

и А.В. Резаева, которые подчеркивают, что идеократия «стремится выразить себя как идеальное общество, альтернативное существующему, заменяя выбор между вариантами действительности выбором между действительностью и будущим (“светлым будущим”, “царством Божиим” и т.п.)... метапаттерн идеократии определяется как “светлое будущее”, “царство Божие”, “рай на земле”, “царство всеобщей свободы и справедливости”»²⁷. Высвечивается утопизм идеократии, ее потусторонний характер. Создается представление не идеологии как упорядоченной системы ценностей, постулатов, предписаний, а скорее, объективированного запроса на миф о благодати в «конце истории», о чуде мистического скачка во вдруг открывшееся Непостижимое.

Ценно конституитивное противопоставление идеократии как глубоко идеологической власти и «реальной политики». Например, А. Игнатэу в этом контексте поднимает вопрос о природе советской власти, приходя к выводу о достижении в данной системе «сложного баланса, где Realpolitik снижает мощь идеократии, которая, в свою очередь, позволяет первой оперировать не прямо, а опосредованно»²⁸. Однако Т. Касиер, следуя этой же логике, отрицает истинно идейный характер советской элиты, имплицитно полагая идеократию системой, где в идеологию верят, а не только используют в публичном официальном дискурсе, как это происходит в логократии²⁹. Впрочем, разграничение идеократии и логократии не всегда целесообразно и обоснованно, ибо их приравнение может указывать на характерность для идеократий «иерархий Слова», возводимых вокруг принципа верности Идее и необходимости ее разворачивания и «правильной» интерпретации, ибо Идея выступает точкой референции в подобных системах.

Идеократия интерпретируется в терминах характера политических элит. Например, М. Бартон называет интегрированную и недифференцированную элиту идеократической, создающей «стабильный непредставительный режим, где власть монополизирована единой партией или движением»³⁰. С. Каилитз предлагает типологию политических режимов, в основание которой положено различие механизмов легитимации власти, а одним из элементов выступает Идеократия. Источник легитимации идеократических режимов находится в будущем, за пределами самого политического процесса, а идеология устанавливается ценностью и источником власти, обязанной не только контролировать, но и преобразовывать все аспекты социального бытия. Автор выделяет коммунистические, фашистские и исламистские идеократии, отмечая, что они живут значительно дольше персоналистских, военных или электоральных автократий. Однако стоит указать, что масштабные утопические обещания не только усиливают власть, но и закладывают «бомбу замедленного

действия» в самый фундамент политики, ибо идеократии рано или поздно оказываются вынужденными признавать «нездешний» характер утопий.

Развивая теорию пассионарности Л.Н. Гумилева, Е. Гончаров говорит об идеократии как системе, объективирующей и поддерживающей высокую пассионарность правящего слоя и общности, а потому, на восходящих этапах становления этноса оказывающейся неизбежной и желаемой. «В идеократии именно пассионарии формируют социальный стереотип – принятые в обществе нормы поведения; гармоничные же люди (нулевая пассионарность), составляющие большинство этноса, приспособляются к этому стереотипу свой образ жизни»³¹. Действительно, согласно Л.Н. Гумилеву, ученику и последователю евразийца П.Н. Савицкого, этнос, находясь на стадии роста и расширения, с необходимостью находит себе некую «Идею», сводящую его преобразовательные импульсы воедино, а также представляющую его мощь иным коллективам в определенных, а значит доступных пониманию формах. Сама суть этих «идей» не важна, главное состоит лишь в том, что их вектор направлен за пределы общности, как в географическом, так и духовном или историческом пространстве. Подобная интерпретация выводит идеократию исключительно на мета-идеологический уровень.

Имеет ли мы основания, опираясь на представленный обзор, сделать заключение о существовании единого и эвристически ценного смыслового конструкта? Мы столкнулись с множеством интерпретаций идеократии: форма теократии; сущность Верховной власти; социальный строй «Правды»; система служения автаркическому культурному миру; выражение российского национального универсализма; идеалистическое оправдание чистого господства; смысловой момент тоталитарного политико-мировоззренческого комплекса (утопизм; ценностный абсолютизм; телеологизм; холизм; радикализм), противостоящего гражданско-демократическому; глубоко идеологизированная власть, противопоставленная власти *realpolitik*; сплоченные и легитимированные проектом будущего элиты; власть «большой» и «альтернативной» Идеи; объективация примордиальных импульсов этносов.

Приведенное многообразие выступает, скорее, запутывающей иллюзией, нежели реальностью фундаментального расщепления. Прочертим силовые линии систематизации представлений об идеократии, позволяющие не только упорядочить различные трактовки, но и стать возможным инструментом дальнейшего изучения пространства идеологий.

1. Идеократия указывает или стремится обнаружить границу между «содержательным» и «мета-» уровнями идеологии, где на последнем полагается «мир», с законами его функционирования и критериями

успешности, в который помещается смысловой продукт первого уровня. Однако сам «мета-» уровень идеократия стремится охарактеризовать, а для адекватного схватывания специфики этой идеологической операции необходимо расчленивать пространство «мета-», обозначив иные варианты его задания. Впрочем, прослеживается присутствие двух видов идеократии: рисующего проект государства и размышляющего о переходах, намекающего на вне-системность.

2. Идеократия как система самосознания центральности для любой идеологии возвышенного объекта — пустого означающего. Имеем идеологию, знающую о необходимости и изменчивости идеологичности. «Идея» становится заклинанием и инстанцией интеграции. Так устанавливаются концептуальные связи между данным конструктом и императивом «воли к Власти» Ф. Ницше, интегрирующего и мобилизующего «мифа» Ж. Сореля, наконец, наиболее чистого фашизма.

3. Идеократия как апология революционаризма, ибо проповедь «больших» идей может скрывать формалистский эстетизм Политического, центрируемый не содержанием ценностей, а скорее, их абсолютностью, инаковостью, способностью стать основанием некоторой новой системности (Порядка). Можно утверждать, что здесь мы имеем раздвоение: с одной стороны, эстетическая линия, четко прослеживаемая в работах «византиста» и проповедника «цветущей сложности» К.Н. Леонтьева и создателя романтического национал-большевизма Н.В. Устрялова; с другой стороны, проходящий через философскую рефлексию запрос на «Новое Начало», характерный для М. Хайдеггера, Ю. Эволи и, наконец, вдохновленного этими мыслителями А.Г. Дугина.

4. Идеократия, формируясь во многом негативно, выступает моментом концептуальной рамки эпохи Холодной Войны, срачиваясь с коммунизмом, тоталитаризмом, политической религией. При этом значимость отрицательных оценок и политизации проблематики препятствовала адекватной научной интерпретации. Со временем, в ходе расщепления данного комплекса и трансформации обозначенных концептов в *эвристические* инструменты, идеократия оказалась значительно менее востребованной. В частности, в настоящее время особый интерес представляет воскрешенная Э. Джентиле исследовательская традиция изучения «сакрализации политики».

5. Идеократия, будучи системой, объективирующей запрос на «Идею» и оправдывающей ее господство, может быть раскрыта как вид «программного модернизма»,³² обостренного восприятия и мировоззренческой адаптации эпохального разлома между анонимическим порядком «дурной Современности» и конструируемым, но призрачным порядком синтеза коллективистской религиозной архаики и модернистского (технократического) героического индивидуализма. Весьма характерная интерпретация этого разрыва в

терминах нации приводит к мифу о возрождении нации, что признается родственным фашизму, согласно традиции «нового консенсуса», основателем и наиболее ярким представителем которого можно считать Р. Гриффина.

Приведенные замечания сходятся в один пучок: идеократия оказывается *внутри* расколов идеологий, всегда в некотором «между». По нашему мнению, использование данного концептуального конструкта для обращения к *проблемным моментам и средоточиям* идеологий достаточно перспективно. Главное — при этом появляется возможность отводить на дальний план искажающие картину ценностные коннотации, а также публицистические спекуляции, обусловленные яркостью, неопределенностью и «боевой» историей понятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блюнчли И.Г. Общее государственное право. — М.: Университетская типография Катков и Ко. 1865. С. 241.

² Там же. С. 244.

³ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строительства // Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. — М.: Институт цивилизации. 2008. С.60.

⁴ Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Избранное. — М.: РОССПЭН, 2010. С. 488.

⁵ Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — М.: Наука. 1993. С. 208.

⁶ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Русский народ и государство. — М.: Аграф, 1998. С. 373.

⁷ Там же. С. 592.

⁸ Устрялов Н.В. Наше Время // Устрялов Н.В. Избранные труды. — М.: РОССПЭН. 2009. С. 792.

⁹ Субетто А.И. Сочинения. Ноосферизм. Том третий. Россия в XXI веке в контексте действия ноосферного и социалистического императивов.— Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. С. 316.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Ильин В.В. Философия истории. — М.: Издательство Московского университета, 2003. С. 95.

¹² Griffin R. Cloister or Cluster? The Implications of Emilio Gentile's Ecumenical Theory of Political Religion for the Study of Extremism // Totalitarian Movements and Political Religions. 2005. Vol. 6. No 1. P. 35.

¹³ Donskis L. The Conspiracy Theory, Demonization of the Other // Innovation. 1998. Vol. 11. No 3. P. 354.

¹⁴ Arendt H. Philosophy and Politics // Social Research. 2004. Vol. 71. No 3. P. 430–431.

¹⁵ Bernholz P. Supreme values as the basis for terror // European Journal of Political Economy. 2004. Vol. 20. P. 319.

¹⁶ Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. 2003. Vol. 27. No 2. P. 211

¹⁷ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 161.

- ¹⁸ Hummel R. Ideocracy: The Cultural Uses of Modern Post-ism in a Late Capital Economy // *Administrative Theory & Praxis*. 1996. Vol. 18. No 1. P. 93.
- ¹⁹ Бердяев Н.А. Утопический этиатизм евразийцев. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn082.htm>
- ²⁰ Зеньковский В.В. История русской философии.– М.: Академический Проект; Раритет, 2001. С. 689.
- ²¹ Степун Ф.А. Мысли о России // *Степун Ф.А. Сочинения*. – М.: РОССПЭН. 2000. С. 354.
- ²² Аксюциц В. Вавилонское пленение: Русская Православная Церковь в XX веке. – URL: <http://www.zavet.ru/kalendar/novm/008.htm>
- ²³ Шопенко А.Д. Концептуальные основания социальной рискологии транзитивного общества // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 308.
- ²⁴ Анкудинов К.Н. Современная неоромантическая поэзия как «параллельная культура» // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2007. № 2.
- ²⁵ Дятлов А.В. Инновационные группы населения: в поисках социетальности // *Общество: политика, экономика, право*. 2007. № 2. С. 61.
- ²⁶ Дугин А.Г. Преодоление Запада // *Основы Евразийства*. – М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 514 – 515.
- ²⁷ Воронов Ю.М., Резаев А.В. Феномен идеократии: возможность и действительность социально-политического анализа. – СПб: Изд-во СПбГУ. 1999. С. 52.
- ²⁸ Ignatow A. Ideocracy or Realpolitik? Notes on an Ambivalence of Communist Consciousness and the Communist Social System // *Studies in Soviet Thought*. 1987. Vol. 3. No 3. P. 241.
- ²⁹ Casier T. The Shattered Horizon. How Ideology Mattered to Soviet Politics // *Studies in East European Thought*. 1999. 51. P. 36.
- ³⁰ Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. No 2. P. 188.
- ³¹ Гончаров Е. Логика идеократии, или роль систематизированной репрессии в идеократическом государстве. – URL: <http://stalinism.narod.ru/docs/sakralnoe/ideokrat.htm>.
- ³² Griffin R. Modernism and Fascism. The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 496 p.

REFERENCES

- Aks'uchic V. Babylonian Captivity: Russian Orthodox Church in XX century. Available at: <http://www.zavet.ru/kalendar/novm/008.htm> (in Russ.)
- Alekseev N.N. On warranty State. *Alekseev N.N. Russian people and state*. Moscow, Agraf, 1998. 640 p. (in Russ.).
- Ankudinov K.N. Modern neo-romantic poetry as a “parallel culture”. *Bulletin of Adyge State University*. Series 2. Literature and Art Criticism. 2007. No 2 (in Russ.).
- Arendt H. Philosophy and Politics. *Social Research*. 2004. Vol. 71. No 3, pp. 427 – 454.
- Berdyaev N.A. Utopian etatism of eurasians. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn082.htm> (in Russ.).
- Bernholz P. Supreme values as the basis for terror. *European Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 20, pp. 317 – 333.
- Bl'unchli I.G. General state law. Moscow, Katkov and Co University Press, 1865. 462 p. (Trad. in Russ.).
- Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. No 2, pp.181 – 199.

- Casier T. The Shattered Horizon. How Ideology Mattered to Soviet Politics. *Studies in East European Thought*. 1999. Issue 51, pp. 35 – 59.
- Djatlov A.V. Innovative social groups: in search of societal. *Obshchestvo: politika, economica, pravo* [Society: politics, economy, law]. 2007. No 2, pp. 50 – 66 (in Russ.).
- Donskis L. The Conspiracy Theory, Demonization of the Other. *Innovation*. 1998. Vol. 11. No 3, pp. 349 – 360.
- Dugin A.G. Overcoming of the West. *Osnovy Evrazijsstva* [Grounds of Eurasianism]. Moscow, Arktojeja-Centr. 2002. 800 p. (in Russ.).
- Gellner E. Conditions of freedom. Civil society and its historical enemies. Moscow, *Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij* [Moscow School of Historical Research], 2004. 240 p. (in Russ.).
- Goncharov E. Logic of ideocracy or the role of systematic repression in ideocratic state. Available at: <http://stalinism.narod.ru/docs/sakralnoe/ideokrat.htm>. (in Russ.).
- Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy*. 2003. Vol. 27. No 2, pp. 193 – 214.
- Griffin R. Cloister or Cluster? The Implications of Emilio Gentile's Ecumenical Theory of Political Religion for the Study of Extremism. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2005. Vol. 6. No 1, pp. 21 – 43.
- Griffin R. Modernism and Fascism. The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. New York, Palgrave Macmillan, 2007. 496 p.
- Hummel R. Ideocracy: The Cultural Uses of Modern Post-ism in a Late Capital Economy. *Administrative Theory & Praxis*. 1996. Vol. 18. No. 1, pp. 87 – 96.
- Ignatow A. Ideocracy or Realpolitik? Notes on an Ambivalence of Communist Consciousness and the Communist Social System. *Studies in Soviet Thought*. 1987. Vol. 3. No 3, pp. 229 – 243.
- Il'in V.V. Philosophy of history. Moscow, Moscow University Press, 2003. 380 p. (in Russ.).
- Karsavin I.G. Grounds of Politics. *Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation*. Moscow, Nauka [Science] Publ., 1993, pp. 174 – 216 (in Russ.).
- Savickij P.N. Eurasianism as a historical intention. *P.N. Savickij Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Agraf, 2010. 776 p. (in Russ.).
- Shopenko A.D. Conceptual grounds of social riskology in transitional society. *Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 2010. No 120, pp. 307 – 315 (in Russ.).
- Stepun F.A. Thoughts about Russia. *Stepun F.A. Writings*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2000, pp. 201 – 425 (in Russ.).
- Subetto A.I. Writings. Noosferism. Russia of 21st century in the context of noosferical and socialistic imperatives. Kostroma, Nekrasov Kostroma State Univ., 2006. 482 p. (in Russ.).
- Tikhomirov L.A. Undivided authority as a principle of state building. *Tikhomirov L.A. Guiding ideas of Russian life*. Moscow, Institute of Russian civilization, 2008, pp. 9 – 167 (in Russ.).
- Trubeckoi N.S. Gengnis Khan's legacy. Moscow, Agraf. 1999 (in Russ.).
- Ustrjalov N.V. Our Epoch. *Ustrjalov N.V. Selected works*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2009. 888 p. (in Russ.).
- Voronov Ju.M., Rezaev A.V. Phenomenon of ideocracy: opportunity and reality of socio-political analysis. Saint Petersburg, Saint Petersburg State Univ. Press, 1999. 137 p. (in Russ.).
- Zen'kovskij V.V. History of Russian philosophy. Moscow, Akademicheskij Proekt [Academical project], 2001. 880 p. (in Russ.).

Аннотация

Поднимается вопрос о целесообразности использования понятия «идеократия» в дискурсе политической философии. Анализ вариантов употребления данного концепта позволяет выявить различные смысловые оттенки, обнаружить линии интерпретативных расколов, наметить конструктивные перспективы этого концепта. Предлагается рассматривать идеократию как комплексный идеологический феномен, заключающий указания и осмысления разломов внутри систем политических идей.

Ключевые слова: идеократия, идеология, тоталитаризм, евразийство.

Summary

The author raises a question of appropriateness of using the concept of «ideocracy» in political science. In the present article, we attempt to analyze a content of this concept by introducing some variants of its usage in ideological and scientific papers. This operation allows us to reveal different shades of meaning, discover interpretative cleavages and outline ways to develop valuable heuristic construct. In the end there is a proposition to regard ideocracy as a complex ideological phenomenon which reveals notions of problematic semantic notions inside systems of political ideas.

Keywords: ideocracy, ideology, totalitarianism, eurasianism.